

тых, 2005), обнаружено очень много (количественные подсчеты не проведены из-за многочисленности материала, но речь может идти о нескольких тысячах) зерновок культурного проса двух видов (метельчатого и итальянского) на фоне единичных находок карпоидов лещины, маньчжурского ореха, амурского бархата. Это поселение является самым поздним из известных памятников ЗКТ. Не исключено, что время его функционирования может совпасть со временем появления и существования на территории Приморья ранних памятников периода палеометалла.

Таким образом, проведенное исследование археоботанического материала, полученного с целого ряда поселений ЗКТ, позволяет сделать следующие выводы:

- 1) население ЗКТ занималось земледелием, основанным на выращивании проса;
- 2) земледелие не являлось ресурсообразующим компонентом систем жизнеобеспечения зайсановского населения и длительное время не играло сколько-нибудь значимой роли в этих системах;
- 3) согласно количественным подсчетам семян и плодов растений, обнаруженных на поселениях ЗКТ, продукты собирательства по своему пищевому вкладу преобладали над продуктами земледелия в системах жизнеобеспечения зайсановского населения;
- 4) в условиях широколиственных лесов Приморья, богатых пищевыми растительными ресурсами, собирательство долгое время было успешной альтернативой земледелию. Оно сохраняется на всех этапах ЗКТ, находясь в зависимости от потенциальных ресурсов районов поселений;
- 5) археоботанические и археологические данные

позволяют предполагать увеличение роли земледелия в экономике населения на финальном этапе существования ЗКТ (3800–3300 л. н.).

Вострецов Ю.Е., 2005. Взаимодействие морских и земледельческих адаптаций в бассейне Японского моря // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы / Отв. ред. Ж.В. Андреева. Владивосток.

Вострецов Ю.Е., Сергушева Е.А., Комото М., Миямото К., Обата Х., 2003. Новые данные о раннем земледелии в Приморье: неолитический комплекс поселения Кроуновка 1 // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Мат. междунар. конф. (Владивосток, сентябрь 2003 г.). Владивосток; Новосибирск.

Крутых Е.Б., 2005. Археологические исследования на памятнике Реттиховка-Геологическая в Черниговском районе и г. Находка Приморского края в 2004 г. // Архив МАиЭ ДВГУ. № 30.

Коломиец С.А., Батаршев С.В., Крутых Е.Б., 2002. Поселение Реттиховка-Геологическая (хронология, культурная принадлежность) // Археология и культурная антропология Дальнего Востока / Отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток.

Петров В.П., 1968. Подсечное земледелие. Киев.

Сергушева Е.А., 2007. Раннее земледелие в Приморье по материалам поселения Кроуновка 1 // Вестник Новосибир. гос. ун-та. Сер.: Ист., филолог. Т. 6. Вып. 3: Археология.

Krounovka 1 Site in Primorye, Russia: Report of excavation in 2002 and 2003 // Study of Environmental Change of Early Holocene and the Prehistoric Subsistence System in Far East Asia / Komoto M., Obata H. (Eds.). Kumamoto, 2004.

И.В. Усачева

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень

Декоративные традиции оформления «утюжков» и особенности их распространения в Евразии в первой половине – середине голоцена

Декор археологических предметов относится к числу важнейших культурно-диагностирующих признаков, поэтому его изучению всегда уделяется особое внимание. Однако если для массовых категорий находок (керамика) методика его исследования более или менее разработана и носит системный характер, то для графического оформления инди-

видуальных изделий единых принципов анализа не сложилось ввиду отсутствия представительных выборок предметов. Обычно акцент при изучении декора таких образцов, там, где он выходит за пределы чисто описательных характеристик, смещается в сторону попыток реконструкции его семантической нагрузки. Весьма показательны в этом отношении

«утюжки». Это название закрепилось за небольшими (3–23 см, чаще – 6–12 см), разнообразными по форме, качеству обработки и декору предметами из камня или глины с поперечным желобком определенного диаметра (0,7–1,4 см), бытовавшими от мезолита до эпохи бронзы включительно. Форму и орнамент отдельных «утюжков» неоднократно пытались интерпретировать (Викторова, Кернер, 1998; Панченко, 2000; Викторова, 2002; Ковалева, Шилов, 2002 и др.), однако обобщения характеристик и системного анализа ни того, ни другого никогда не проводилось. Методической основой изысканий выступал поиск аналогий отдельным элементам морфологии и декора, что при отсутствии обоснований правомерности сопоставления разноплановых предметов, к тому же значительно удаленных во времени и пространстве (Шумер, Триполье, тексты Ригведы и т. д.), делает полученные выводы бездоказательными. Между тем «утюжки», являясь относительно редкой, но яркой находкой, отмечены в материалах свыше 60 культур и культурных типов. Территория их распространения в Евразии простирается от Молдавии на западе до Монголии на востоке и от Восточного Средиземноморья на юге до границы таежной зоны на севере. Общее количество изделий исчисляется сотнями. Автором по фондовым и литературным источникам собрано 446 экземпляров. Число образцов с информацией по оформлению поверхности несколько меньше – 351 (78,7%). Среди них больше половины (188 или 53,8%) в той или иной степени орнаментированы. (Впрочем, понятие «орнамент» не совсем точно отражает систему украшения «утюжков», поскольку ритмичность узора здесь не является обязательным признаком. Содержательно более правильно в данном случае использовать понятие «декор», а точнее «графический декор», в отличие от скульптурного, который также встречается на «утюжках».) Однако следует иметь в виду, что это усредненный показатель, по-разному проявляющий себя в конкретных регионах. Так, например, в коллекции пока не зафиксировано ни одного декорированного изделия с территорий Средней Азии и Закавказья. Напротив, в Сибири и в Центральной России соответствующий процент приближается к 80. Особенностью декоративного оформления «утюжков» является высокая степень индивидуальности.

В данной работе предпринята попытка анализа декора поперечно-желобчатых изделий с использованием принципов системного подхода, рассматривающего отдельные элементы структуры в их взаимосвязи. Структурирующими блоками выступают технический (техника выполнения декора) и морфологический (декор как иерархическая струк-

тура изобразительных составляющих). В качестве уровней морфологического блока рассматриваются элемент, мотив и его вариации, сюжет и сюжетная линия. *Элемент* – отдельное неделимое изображение (линия, накол, оттиск и т. д.). *Мотив* состоит из конечного числа слагающих его элементов, относительно неизменно повторяющихся в декоре. *Сюжет* представляет собой устойчивую комбинацию мотивов и их вариаций. В простейших случаях он может быть равнозначен одному мотиву и даже элементу. Сюжеты обладают завершенностью и в этом плане тождественны понятию композиция, которое используется при характеристике орнаментальной схемы сосуда. Однако в отличие от последней каждый сюжет имеет точное место локализации на «утюжке» (продольная осевая линия, торцы, периметр желобка, концы желобка, желобок, верхняя плоскость т. д.). Завершенность и устойчивая связь с морфологией «утюжка» предполагают знаковость сюжета, его семантическую самостоятельность и значимость. Поэтому именно сюжет можно считать высшей ступенью иерархии декора. Однако встречаются и более сложные структуры, представляющие комбинацию сюжетов, что, видимо, следует рассматривать не как особый уровень, но как отражение факта сочетания разных декоративных традиций. Из общей сюжетной канвы выпадают так называемые знаки (29 экз.) – набор изображений из одной-двух коротких небрежных черточек, крестиков, насечек, царапин. Они характеризуются аритмичностью и индивидуальностью, поэтому систематизации не поддаются. Не исключено, что по крайней мере часть знаков является метами.

Анализ техники декора показал его незначительную вариативность, спектр которой оказался удвоенным за счет использования разного по пластичности исходного сырья – камня и глины. Для украшения каменных изделий применялись резьба или процарапывание, насечки, сверление. Для глиняных – прочерчивание или резьба по подсохшей глине, оттиски лопаточки, накол; единично использованы отступающая палочка и гребенчатый штамп. Несмотря на разные технические приемы исполнения, по конечному результату орнаментация глиняных и каменных изделий практически не отличается. Фактически декор глиняных предметов имитирует декор каменных. Отмечается абсолютное преобладание резной техники (свыше 70%, а с учетом прочерчивания по высохшей глине – около 80%).

Элементы декора, прослеженные на «утюжках», в целом соответствуют фонду простейших элементов орнамента неолитической керамики территории их распространения. Наиболее широко и количественно, и территориально представлены

вертикальные и наклонные прямые линии, насечки. Соответственно среди мотивов доминируют множественные продольные и одинарные прямые линии, полоса насечек, косая сетка и вертикальная «елочка». Многообразие элементов (34) и мотивов (43), большая часть которых использована не чаще 1–3 раз, отражает стремление к неповторимости декора.

Сюжеты, как следует из анализа, отличаются от орнаментальных композиций посуды не только особенностями локализации, но и принципами построения. Большая их часть состоит из двух половин – *полусюжетов*, отраженных от желобка по зеркальному принципу. Тем не менее, абсолютно симметричный графический декор – явление чрезвычайно редкое (9%) из-за отсутствия качественных или количественных дополнений. Полусюжеты обладают известной автономностью и могут использоваться в качестве самостоятельных единиц или комбинироваться с другими разновидностями. Отмечены случаи, когда сюжет редуцирован до 1/4 и занимает лишь один из квадрантов «утюжка». Некоторые сюжеты, напротив, могут умножаться. Такой способностью обладают только круговые разновидности, ориентированные на контур желобка или периметр «утюжка». Все проявления одного полусюжета составляют *сюжетную линию*. Всего выделено 17 сюжетных линий, ставших основой 38 сюжетов. В их локализации прослежены следующие закономерности: 3 вида ориентированы на центральную осевую линию с желобком в качестве разделителя; 3 – на верхнюю плоскость/поверхность с желобком в качестве разделителя; 2 – на боковую поверхность; 1 – на внутреннюю поверхность желобка; 1 – на межжелобковое пространство у экземпляров с двумя канавками; 2 – на концы желобка; 1 – на контур желобка; 1 – на концы «утюжка»; 1 – на периметр. Два вида являются ограничивающими: один служит рамками узора на верхней плоскости, реже просто плоскости; второй, соответственно, оформляет нижнее боковое ребро, порой заполняя все пространство боковой поверхности вплоть до центральной осевой линии. К числу наиболее распространенных относятся: декоративная линия вдоль продольной оси (33), узкая узорная полоса вдоль продольной оси (40), разновидности многократного линейного декора верхней поверхности (35), продольная узорная полоса на боковых поверхностях (24) и кайма по периметру (ребрам) «утюжка» (23). Два первых

вида близки между собой и, вероятно, могут быть объединены в одну, доминантную, группу (около 30%), показывающую, что практически каждый третий «утюжок» имеет графически украшенную продольную ось.

Количество задействованных сюжетных линий на разных территориях различается. Наибольшей вариативностью отличаются Урал и Зауралье (15), Украина (14), Казахстан (13), Сибирь (11). Сравнение наборов сюжетных линий регионов показывает, что на разных и порой достаточно удаленных друг от друга территориях фиксируются идентичные разновидности декора. Это требует объяснения, поскольку считать многочисленные случаи совпадений случайностью вряд ли возможно. Противоречит гипотезе случайности и довольно сложный характер ряда сюжетов. Кроме того, отмечено, что многие сюжетные линии при картографировании выстраиваются в протяженные, хронологически упорядоченные там, где есть возможность это проверить, цепочки. Все это, наряду с установленным ранее фактом наличия культурозависимых признаков в декоративно-морфологическом оформлении «утюжков» (Усачева, 2006), позволяет высказать предположение, что отдельные разновидности сюжетных линий являются принадлежностью разных культурных традиций. Из чего вытекает, что отслеживание направлений распространения декоративных особенностей оформления «утюжков» может оказаться плодотворным для изучения направлений, сроков и способов распространения культурного взаимодействия в Евразии в первой половине – середине голоцена.

Викторова В.Д., 2002. Святилище боборыкинской культуры на памятнике Палатки I // ВАУ. Вып. 24.

Викторова В.Д., Кернер В.Ф., 1998. «Утюжки» с неолитических и энеолитических памятников Зауралья // ВАУ. Вып. 23.

Ковалева В.Т., Шилов С.Н., 2002. Прообраз Индры: об интерпретации антропоморфного изображения на посуде // ВАУ. Вып. 24.

Панченко Ю.В., 2000. К вопросу о хронологии распространения неолитических челноков // Хронология неолита Восточной Европы: Тез. докл. междунар. конф., посвящ. памяти Н.Н. Гуриной. СПб.

Усачева И.В., 2006. К вопросу о культурозависимых признаках «утюжков» // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень. Вып. 7.

УДК 902/904

ББК 63.3

Т78

Организация II (XVIII) Всероссийского археологического съезда и издание трудов осуществлены при финансовой поддержке Президиума РАН, Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ, проект № 08-01-14001 г.) и Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ, проект № 08-06-06098 г.).

Редакционная коллегия

Х.А. Амирханов, Л.А. Беляев, П.Г. Гайдуков, А.Н. Гей, В.И. Гуляев, А.П. Деревянко (ответственный редактор), Е.Г. Дэвлет, В.И. Завьялов, С.Д. Захаров, Л.В. Кольцов, Д.С. Коробов, Г.А. Кошеленко, Н.А. Кренке, С.В. Кузьминых, Н.В. Лопатин (редактор-составитель), Н.А. Макаров (ответственный редактор), М.Б. Медникова, М.Г. Мошкова, А.М. Обломский, В.Е. Родинкова, А.Ю. Скаков, А.В. Чернецов, С.З. Чернов, А.В. Энговатова

Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. – М.: ИА РАН, 2008. – 472 с.: ил.

ISBN 978-5-94375-066-3

© Институт археологии РАН, 2008 г.
© Авторы докладов, 2008 г.

Т Р У Д Ы

II (XVIII)

ВСЕРОССИЙСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
СЪЕЗДА

в С у з д а л е

2008 г.

Том I

